

АРТЕФАКТОРЫ

Осторожно, двери открываются

Уходя, закройте двери

Двери больше не нужны

ЕКАТЕРИНА СОБОЛЬ

Осторожно, двери
открываются

АРТЕФАКТОРЫ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Книга создана при содействии
Литературного агентства «Вимбо»

Соболь, Екатерина.

С54 Артефакторы. Осторожно, двери открываются /
Екатерина Соболь. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-203608-8

Стража Санкт-Петербурга защищает город от призрачных дверей, которые постепенно разрушают его. Никто не знает, куда ведут двери и что происходит с теми, кого угораздило в них зайти. Но есть у дверей и ценное свойство. Через них в наш мир попадают волшебные артефакты: одни опасные, другие глупые и забавные, а третьи бесценны и могут спасти жизнь.

Но что случится, когда тот, кто с детства защищает город, встретит раздражающе удачливую трюкачку? Вдвоем они могут спасти город или уничтожить — но как найти общий путь, если избранником дверей может стать только один из них?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Соболь Е., текст, 2024

© ООО «Вимбо», 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203608-8

ПРОЛОГ

За пятнадцать лет до того, как все началось, произошло важное событие, без которого хитрый план моего врага рассыпался бы в прах. Это история открытия, которого не случилось. История злодея, придумавшего для своих соперников наказание хуже, чем смерть.

Это случилось в разгар ночи.

Снег был таким легким, что казалось, будто он идет вверх. Крупные хлопья долго покачивались в воздухе, прежде чем где-нибудь приземлиться, и время шло медленно, как в сказке или во сне. Двор был пуст, и только Антон с мамой смотрели, как снег укрывает каменную девушку в фонтане и балконы дома с колоннами.

— Уже скоро? — шепотом спросил Антон.

— Скоро, — ответила мама и улыбнулась, стряхнув снег с его шапки.

И он терпеливо ждал, не позволяя волшебной зимней ночи себя убаюкать. Когда тебе всего шесть и тебя разбудили ночью, чтобы куда-то идти, трудно не задремать. Но мама совсем недавно начала брать его на дежурства, и вдруг она передумает, если он будет плохо себя вести? Чтобы стать лучшим стражем города, надо быть сильным.

Антон понял, что уснул стоя, только когда мама подхватила его на руки и поцеловала в щеку. Он разлепил глаза — и мгновенно очнулся. Начинается!

Посреди двора появился сияющий прямоугольник ростом с самого высокого взрослого. Он весь был заполнен ровным голубым сиянием, похожим на огонь газовой плиты. Прямоугольник постепенно определился с собственной формой: рама стала четкой, как буква «П», а середина покрылась узорами и обрела ручку. Антон уже в седьмой раз видел, как рождается дверь, но ему все равно было не по себе, и он вцепился в мамин пуховик.

— Не бойся. — Она опустила Антона на землю. — Дверь не злая.

Словно в ответ на ее слова, дверь приоткрылась им навстречу, и Антон сделал слабую попытку забраться вверх по маминой ноге. Мама притворилась, что не заметила. Они смотрели, как снег падает на дверь, но не оседает на ней, а проходит насквозь и плавно опускается на землю. Голубое сияние было слабым, неплотным, Антон по-прежнему видел сквозь него каменную девушку с вазой на голове, стоящую посреди фонтана.

В вазу набралось так много снега, что она напоминала рожок с мороженым.

Наконец мелькнул яркий свет, и из-за двери, словно брошенный невидимой рукой, вылетел мерцающий голубой шарик, вроде тех, которыми украшают аквариумы. Он был из того же сияния, но ярче, и упал на снег как предмет, имеющий вес. Антон проследил за его полетом, думая: интересно, кто бросает их сюда? Заглянуть в дверь ему ни разу не разрешили.

— Шаг первый: артефакт. — С этими словами мама вручила Антону прозрачный пакет и подтолкнула в сторону шарика.

Когда мама разговаривала с друзьями на кухне, закрыв дверь, Антон всегда подслушивал и знал: артефакты бывают опасными. Но сейчас мама здесь, а значит, ничего не случится, да? Не снимая толстых варежек, Антон быстро взял с земли шарик, сложил в пакет и впихнул его маме в руки. Уф! Она маркером написала что-то на пакете и убрала его в сумку.

— Шаг второй: закрытие, — объявила мама нарочно веселым голосом.

Все ясно: пытается его подбодрить. От этого стало только страшнее, и Антон снова обхватил маму за ногу. Конечно, стать лучшим стражем очень хочется, но когда дверь начинает шалить...

Мама так это называла: «шалить». То же слово она говорила про Антона, когда он засовывал игрушки под шкаф или отказывался читать стихи вслух. Но шалости двери были гораздо злее.

Освободившись от артефакта, дверь начинала давить на землю, как пятнадцать грузовиков. Вид ее не менялся, все то же полупрозрачное сияние, но в земле сразу ощущалась дрожь и гул, словно под ней едет поезд-убийца и крушит все на своем пути. В этом дворе не было асфальта, который издавал особенно страшные звуки, когда трескался. Голая земля под снегом ломалась мягче, и все равно...

— Понимаешь, она открывается, а закрыться сама не может, — тихо сказала мама. — Ей нужна помощь. Она как раненый бегемот, который от боли все ломает, а ты будешь ее доктором Айболитом.

Под мирно сияющей дверью уже росла трещина, в которую сползал снег, и Антону хотелось заплакать. Как только начинались шалости, мужество его покидало.

— Не бойся. Если у тебя не получится, я сама закрою, смотри. — Мама вытащила из кармана ключ, самый обычный, как от их квартиры, только зубчики другие. Ключ едва заметно сиял голубым. Антон потянулся к нему, но мама убрала ключ обратно. — Не сдавайся сразу, мой хороший. У каждого свой дар, и ты закрываешь двери по-другому. Пробуй.

Последнее она сказала строго, и Антон понял: мама начинает сердиться. Он покорно снял варежку и поднял руку. Надо успокоиться, дышать глубоко, как она учила, и думать о снеге. О том, чтобы направить его на дверь. Представить, что снег растворяет ее, гасит. Снег точно смог бы потушить костер, а может, даже газовую горелку, значит, справится и с дверью.

Но ничего не получалось. Дрожь земли отвлекала, желание впечатлить маму, наоборот, подгоняло, в голове было слишком много мыслей. Антон открыл глаза, понял, что ничего не вышло, и бессильно уронил руку. У него получилось всего однажды, случайно, и с тех пор они с мамой пытались это повторить, но... Ей каждый раз приходилось закрывать двери своими волшебными ключами, а Антон горько плакал, потому что опять не справился.

— У меня есть подарок, — вдруг сказала мама. После прошлых неудач она такого не говорила. — Я сделала много ключей — не для работы, а для тебя. Целая куча ключей, только твои. Они в красивой коробке от печенья, сможешь брать их с собой, когда мы снова пойдем на дежурство. И если не выйдет погасить дверь своим даром, сможешь достать ключ и закрыть ее. Как тебе план?

Антон кивнул. В глазах у него стояли слезы, поэтому мама немного расплывалась, но ее голос был слышен даже поверх неприятного звука разрывающихся глубоко внизу пластов земли.

— Сейчас у тебя все получится, мы пойдем домой, и я отдам тебе подсказку, где искать ключи. Это будет наша игра. Не думай о неудаче, думай о подарке, ладно? Давай, Антош.

Как же он любил игры и загадки, которые мама выдумывала для него! Сразу захотелось покончить с дверью и мчаться домой. Антон снова направил руку на снежинки, пытаясь передать им свою волю, и снег

наконец-то заметил существование двери. Сработало! Там, где снежинка — нежная, крупная, как комочек птичьего пуха, — касалась голубого сияния, оно гасло. Дрожь под ногами тут же стала слабее, и Антон улыбнулся. Главное — удерживать внимание на двери, пока она не исчезнет совсем, и дело сделано.

— Какой хороший мальчик, — произнес за его спиной мужской голос.

Антон резко обернулся, уронив руку. Зачем так подкрадываться к людям? Рядом стоял мужчина с добрым лицом. Но маме он, похоже, добрым не казался.

— Ты... — начала она, а потом ей как будто стало трудно говорить, и пришлось начать заново: — Гудвин.

— Как в «Волшебнике Изумрудного города», — пролепетал Антон, сам не зная, какое желание заставило его открыть рот: то ли блеснуть знаниями, то ли защитить маму, которая почему-то выглядела испуганной.

Мужчина вежливо наклонил голову, как делали в фильмах джентльмены старых времен.

— Точно, малыш. Но этот город куда лучше Изумрудного, правда? В нем есть волшебные двери, которые дают нам такие ценные вещи.

Вспомнив о своей задаче, Антон обернулся и увидел, что его усилия пропали даром: он не завершил закрытие, и прорехи от снежинок начали затягиваться голубым сиянием. Дверь чинила сама себя. Ее сила возвращалась, и земля опять задрожала.

— Заставлять ребенка делать грязную работу — как это негуманно! — сказал незнакомец. Он был красиво

одет: пальто, шарф, а шапки не было. И как он не мерзнет? — Будь у меня дети, я бы с ними так не поступал.

— Чего тебе надо? — спросила мама.

— Сразу хочу прояснить, Лия: ничего личного. У меня нет ненависти ни к тебе, ни к твоим коллегам. И уж тем более к этому милому сопляку.

Мама странно глянула на Антона. Этим взглядом она велела ему что-то сделать. Покончить с дверью? Спрятаться? Заговорить? Молчать? Он ее не понимал.

— Артефакты — большая ценность, — продолжал мужчина, и его голос едва заглушал подземный гул и дрожь, которые уже забрались куда-то под фонтан. — Мне кажется, вы, ребята, не вполне это понимаете. Даром раздавать их — все равно что швырять в толпу алмазы. В бескорыстии всегда есть что-то от глупости.

— Тебя забыли спросить, — невежливо процедила мама и сделала шаг к двери.

Руку она убрала в карман. Антон помнил, что там лежит ключ, и почувствовал малодушное облегчение. Она сейчас сама закроет дверь!

— Понимаю, — вздохнул Гудвин. — Ты веришь в свое дело, любишь свою работу и все такое. Но убеждения — опасная вещь. Они даже могут заставить мать тащить за собой ребенка в зимнюю ночь, где гуляют волки.

Мама больно схватила Антона за руку, дернула поближе к себе и выдохнула:

— Пошел вон. Я тебя видела, и я на тебя заявлю. Поплатишься за все, что сделал.

— Ну, после нашей встречи заявлять на меня будет некому. Жаль твоего малыша, но, как я сказал, ничего личного.

И остатки миролюбия, которые еще оставались в их беседе, исчезли. Гудвин схватил маму за локоть и потащил к двери. Антон, перепуганный до смерти, вцепился в ее пуховик, но Гудвин с невероятной силой тянул маму за собой. Она пыталась его ударить, а он будто не замечал.

Гудвин взялся за ручку и распахнул дверь шире, впуская во двор больше потустороннего голубого сияния. Антон, который так и висел на маме, резко выдохнул. В отличие от артефактов, двери — как призраки, коснуться их невозможно, так как же Гудвин...

Но думать об этом некогда, надо защитить маму. Гудвин попытался вытолкнуть ее за дверь, а она — схватиться за раму, хотя это все равно что держаться за дым. Антон понял: вся надежда на него. Он крепче вцепился в мамин пуховик и тянул к себе, но его ноги вязли в снегу, а тот сползал в трещины под дверь. Гудвин схватил маму за воротник пуховика и со всей силы толкнул в светящийся проем. Руки Антона разжались, и он выпустил край маминого пуховика, а схватиться снова не успел. Он не услышал ни слова, ни вскрика, мама тратила каждый вдох только на спасение, и... Где же она?

Дверь полупрозрачная, и Антон думал, что, упав, мама просто приземлится на снег, но она исчезла, как будто голубое сияние ее проглотило. Антон замер на

четвереньках перед распахнутой дверью. Гудвин схватил его за капюшон, и Антон сразу понял: его вытолкнут туда, к маме. Где бы она ни была сейчас, они окажутся там вместе.

Но в последний момент что-то напугало его, как пугает зверька вид распахнутой клетки. Не думая, Антон вытащил руки из рукавов куртки и отполз.

Земля под ними подрагивала. Гудвин отшвырнул куртку и сделал шаг Антону навстречу, тот инстинктивно вскинул руку — и весь снег вокруг них поднялся в воздух. С земли, из чаши фонтана, из вазы, которую держала каменная девушка.

Снегопад, по-прежнему валивший с неба, замер в воздухе. Антон посмотрел на свою дрожащую голую руку с растопыренными пальцами. Потом на Гудвина, который удивленно оглядывал разом почерневший двор. Каждая снежинка, что спала на кустах и скамейках с начала зимы, покинула свое место и замерла, ожидая дальнейших распоряжений. Мама учила передавать руке все свое спокойствие, но в этот раз Антон ее не послушал. Он передал руке весь свой страх и безнадежную ярость.

Снег полетел в Гудвина, свалив его с ног. Там, где снежинки на огромной скорости сталкивались с дверью, ее сияние гасло. Дверь стала дырявой, как сыр, а потом исчезла.

Антон надеялся, что теперь-то мама появится, но... Он уронил руку, и снег рухнул вниз, неряшливо и тяжело: на Гудвина, на фонтан и скамейки, в трещины,

которые остались на земле, даже когда дрожь и треск утихли.

— Мама, — выдавил Антон. — Где она?

— Ее нет. — Гудвин смотрел на него, тяжело дыша, весь в снегу. — Оттуда никто не возвращается.

Он подтянул к себе мамину сумку, лежавшую на земле, вытащил из нее пакет с артефактом и убрал в карман. Все это время Гудвин не сводил взгляда с Антона, будто опасался его, но, когда он заговорил, голос его был спокойным:

— Гудвин знает все — так ему положено по роли. — Он криво усмехнулся. — Я знаю, что мать оставила тебе подарок. Знаю, что обращаться со своим даром ты не умеешь и вряд ли научишься, несмотря на это шоу. Знаю, где ты живешь. Поэтому... Тебя, конечно, попросят описать, как я выгляжу. Надеюсь, у тебя плохая память.

Антон с рычанием вытянул руку, и снег снова поднялся в воздух, но в этот раз — медленно, будто весил тонну.

— Впечатляет, — фыркнул Гудвин и с трудом встал. — Стража будет в восторге.

Отряхнув пальто, он пошел к выходу из двора — через желтую арку, украшенную колоннами, туда, где даже ночью тихо шумел проспект. Антон попытался остановить его, сбить снегом на землю, заставить рассказать, куда делась мама. Но снег упрямо висел в воздухе без движения, и, пока Антон умолял его подчиниться, Гудвин толкнул решетку, закрывавшую арку, и скрылся из виду.

Плечо очень устало. Пришлось опустить руку, и снег упал. Антон подполз к тому месту, где была дверь, и лег на развороченной земле тихо, как мышка. Надо просто подождать. Все будет хорошо, так часто говорит мама, и он должен ей верить.

Она сейчас откуда-нибудь появится и заберет его домой. Велит переодеться в теплую сухую одежду, а сама поставит чайник на кухне, разогреет замороженные сырники. Антон почитает ей стихи из своей любимой книжки, а потом они заснут рядом.

Увы, ничего этого не произошло. Счастливые моменты навсегда остались в прошлом, а будущее было холодным и сумрачным. Шли годы, Антон рос, и как бы он ни искал Гудвина, тот больше ему не явился.

Гудвин считает, что мир и все, что в нем есть, принадлежит ему. Но буря близко. Скоро девочка, которая все изменит, сможет сказать: «Да, Тотошка, мы больше не в Канзасе». Пока что она занимается своими делами и не знает: буря подхватит ее и перенесет туда, где тайные сады и фонтаны, где у домов есть колонны и желтые стены.

Тучи уже сгущаются. Скоро пойдет снег.

